

Пахарева Т. А.
г. Киев, Украина

О МНЕМОНИЧЕСКОМ МАРШРУТЕ «ПРОГУЛКИ» АННЫ АХМАТОВОЙ

В статье проанализированы фактографические аспекты формирования хронотопа стихотворения Анны Ахматовой «Прогулка». Реалии автомобильных прогулок в Булонском лесу в начале XX в. и автовыставки в Петербурге в дни написания стихотворения рассмотрены как источники ключевой мнемонической детали стихотворения («бензина запах и сирени»), задающие логику наложения петербургского хронотопа «Прогулки» на канву воспоминаний Ахматовой о поездках в Париж в 1910-1911 гг.

Ключевые слова: Анна Ахматова, М. Пруст, лирика, мнемоническая поэтика, ольфакторная деталь, психологизм, автомобиль, Петербург 1913 г.

Стихотворение Анны Ахматовой «Прогулка», написанное в мае 1913 г., при своей внешней «прозрачности», представляется все же текстом с еще до конца не найденным «ключом», о чем свидетельствует не совсем уверенный тон комментариев к нему. Париж, возникающий во второй строфе, заставляет одних комментаторов предполагать, что «стихотворение, возможно, является воспоминанием о мае, проведенном Ахматовой в Париже в 1910 и 1911 гг.» [5, с. 746], других – строить догадки о предположительных спутниках Ахматовой в ее парижских прогулках (Б. Носик, А. Марченко), третьих – склоняться к тому, что парижский пейзаж в этом стихотворении скорее экфрасичен, и потому оно «соединяет в себе черты стилизации, отсылающей к творчеству М. Кузмина и М. Добужинского, К. Сомова или А. Бенуа, и так называемого новеллистического психологизма, свойственного Ахматовой» [6, с. 307]; «из стилизованного эпизода в духе М. Добужинского или А. Бенуа, «старых гравюр с изображением аристократических выездов в Булонском лесу» (Марченко) Ахматова создает небольшое стихотворение, где под очевидной скованностью повествования латентно присутствует драматизм, свойственный сюжетам ее текстов. Именно на контрасте с тишиной и безветренностью вечера и почти кокетливой картинностью Булонского леса разворачивается свидание героев, наполненное грустью и очевидным предчувствием беды» [6, с. 308-309]. По поводу последней трактовки можно выразить некоторое сомнение, поскольку, во-первых, к 1913 году в поэтике Ахматовой все-таки уже иссякла тяга к стилизациям, явственно проявившаяся двумя годами раньше в стихах типа «Старого портрета» или цикла «Алиса», а кроме того, для Ахматовой не было характерно стилистически объединять в одном тексте «мирискус-

нические» и реалистически-психологические контексты – все-таки, «таинственные графы» и «Миньоны» существуют у нее отдельно от мира той героини, которая проходит через опыт тяжелой «земной любви» (уместно вспомнить, что, когда Цветаева увидела в «Поэме без героя» подобную стилизацию, Ахматова была разочарована таким непониманием совсем не стилизаторского значения всей этой комедии масок в своей «Петербургской повести»). Но главное, если принять версию картинки Булонского леса как стилизации-экфрасиса, то в таком случае остается не проясненной логика ее связи с напряженной эмоциональной атмосферой психологической новеллы, обрамляющей эту «стилизацию».

А между тем, едва ли не самым замечательным в этом стихотворении представляется именно тот ассоциативный ход, с помощью которого запускается механизм воспоминания, заставляющий героиню перенестись из Петербурга 1913 г. в Париж 1910-го или 1911-го (констатация того, что в любом случае в стихотворении всплывает воспоминание о парижской прогулке – это, как раз, общий знаменатель всех интерпретаций этого текста). И разворачивается это воспоминание, как представляется, все же не от увиденного на некоей гравюре изображения Булонского леса (виды Булонского леса – это распространенный сюжет пейзажных гравюр и акварелей, так что, можно предположить, что такие картинки должны были попадаться на глаза Ахматовой достаточно часто, а значит, входить в круг привычных визуальных впечатлений, не особенно стимулирующих к какому-то конкретному воспоминанию), а от более острого и специфичного мнемонического толчка во вполне прустовском духе. Имеет смысл предположить, что таким впечатлением, заставившим живо вспомнить Париж, стал, как и

у Пруста, запах – только не пирожного «мадлен», а «бензина... и сирени».

Побывавший еще раньше, чем Ахматова, в Париже Мандельштам в стихотворении «Я пью за военные астры...» через 23 года после своей поездки вспоминает «Полей Елисейских бензин», и можно предположить, что так же, как и на приехавшего из России юного провинциала в 1908 г., на молодую Ахматову в 1910-1911 гг. должно было производить сильное впечатление обилие автомобилей на парижских улицах – в том числе, тех, что ведут к Булонскому лесу. О том, что Ахматова была в Булонском лесу с Гумилевым во время свадебного путешествия, есть запись у П. Лукницкого: «Весь месяц живут в Париже. Посещают музеи..., средневековое аббатство Клюни, Jardin des Plantes. Бывают в кафе..., в ночных кабаре. Были в Булонском лесу» [7, с. 222].

Очевидно, что во время этой прогулки Ахматовой и ее спутнику довелось если не самим ехать в автомобиле, то двигаться в экипаже рядом с автомобилями, поскольку к началу 1910-х гг. автомобильные поездки в Булонский лес, видимо, приобрели уже достаточно массовый характер – иначе были бы непонятны сетования героя М. Пруста, когда он размышляет об автомобилях, сменивших теперь в Булонском лесу прежние конные экипажи: «Увы! Теперь там ездили только в авто, и управляли ими усатые шоферы... «Какой ужас! – думалось мне. – Неужели эти автомобили столь же элегантны, как прежние выезды?» [8, с. 363]. Ностальгическая прогулка героя по Булонскому лесу завершает первый том прустовской эпопеи – роман «В сторону Свана», который был закончен и впервые опубликован в том же 1913 году, когда было создано и ахматовское стихотворение. Значит, обилие автомобилей в Булонском лесу – это реалья самого начала 1910-х гг., и зрелище, огорчившее героя Пруста, наблюдала и Ахматова.

Тогда логично предположить, что картина Булонского леса возникает перед внутренним взором ахматовской героини, возможно, увиденная через окно автомобиля или конного экипажа, и в таком случае в этой картине Булонский лес оказывается, как страницей альбома, ограничен рамой окна, а эффект рисунка тушью возникает и от вечернего света, когда силуэты деревьев кажутся черными линиями туши (находясь в западной части Парижа, на закате Булонский лес, как раз, открывается подъезжающим со стороны центра города наблюдателям в контровом освещении), и от опосредующего весь вид стекла, сквозь которое живой пейзаж начинает казаться нарисован-

ным. Таким образом, то, что воспринимается некоторыми читателями как стилизация в духе мирискусников, вполне может быть реалистичной и по-акмеистически точной деталью из ряда тех, что создали Ахматовой славу особенно зоркого, отличающегося «осиной остротой» зрения, художника (о семантике «острия» в связи с программными установками акмеизма и с акмеистической мифологизацией образа Ахматовой писал Р. Д. Тименчик [9]).

Кстати, таким же «как будто» нарисованным и ограниченным рамой картины запечатлел Булонский лес и М. Пруст. Во время все той же прогулки его герой, подобно героине Ахматовой, ловит себя на живописных ассоциациях: «Даже в открытых местах, где взгляд обнимает широкое пространство, аллея оранжевых каштанов, тянувшаяся напротив далеких темных громад деревьев, уже безлистных или еще не совсем облетевших, напоминала начатую картину, словно художник лишь кое-где положил краски, изобразив солнечную аллею, отведенную им для случайной прогулки людей, которых он допишет потом» [8, с. 360-361]. Представляется, что совпадения такого рода, как и общность мнемонической логики, могут многое объяснить в ахматовской позднейшей любви к Прусту.

Но если вернуться к парижским впечатлениям Ахматовой начала 1910-х гг., то нужно заметить, что поток автомобилей и сопровождающий его запах бензина должны были тем более остро запоминаться русским визитерам как приметы Парижа, что в России в эти годы автомобилей было еще очень мало, тогда как Франция уже успела стать не только одним из лидеров автопрома того времени, но и страной с весьма развитым автомобильным движением: «...Российская империя не стала по-настоящему автомобильной державой. К 1914 году в стране с населением более 170 миллионов человек было всего около 13 тысяч автомобилей. Во Франции к тому времени – более 100 тысяч» [3].

Однако, именно в первой половине мая 1913 г., когда Ахматова жила у отца в Петербурге [10, с. 83], запах бензина, очевидно, наполнил собой и российскую столицу: с 5-го по 19-е мая на территории Михайловского манежа и прилегающем к нему пространстве, специально застроенном выставочными павильонами и в целом охватившем 15 тыс. м², прошла IV Международная автомобильная выставка, взятая под личное покровительство императора и включенная в число юбилейных мероприятий к 300-летию дома

Романовых. С 11-ти утра до 11-ти вечера в течение двух недель на 207-ми стендах можно было наблюдать 376 не только замерших в «насторожившемся покое», но и двигающихся и «благоухающих» бензином автомашин. Особенно активно и успешно поучаствовала в выставке Франция, представившая автомобили 21 фирмы-производителя. А. Хорьх, в качестве инженера-механика приехавший на выставку с немецкой командой, не без зависти вспоминал: «Мы, немецкие участники выставки, вскоре почувствовали, что в этой стране нас не очень-то жаловали. Нам удалось продать всего несколько автомобилей, в то время как на стендах французских фирм заказы поступали в большом количестве» [2].

Значит, и запах бензина, вместе с естественным для майской поры и в Петербурге, и в Париже запахом сирени, и, очевидно, более акцентированно зазвучавшая французская речь стали приметами первой половины мая 1913 г. в российской столице (а если принять во внимание, что все эти автомобили начали свозить к месту экспозиции заранее, то уже с апреля). Даже если не подозревать Ахматову в посещении этого зрелища (хотя, как известно, она с интересом относилась ко всему, что определяло собой современность, и вполне благосклонно воспринимала автомобили), трудно представить себе, что оно могло остаться вовсе не замеченным, поскольку происходило в самом центре Петербурга (в двух шагах от подвала «Бродячей собаки») на протяжении длительного времени.

Если принять наше предположение относительно мнемонического импульса, заданного именно запахом бензина, то лирическая ситуация стихотворения очень естественно выстраивается вокруг этого импульса, а чувственные детали в тексте образуют цепочку, протягивающуюся от переживаемого момента к вспомнившемуся. Задаёт эту «эстафету» тактильный штрих: «Перо задело о верх экипажа», – и им обозначается смена пространства, переход из открытого, всеобщего в интимное, замкнутое пространство экипажа, внутри которого начинается безмолвное объяснение между героями любовной истории. Его открывает прямой взгляд в глаза, который затем героиня, тоскующая и явно не прочитавшая в глазах героя того чувства, которого ей хотелось бы, переводит на пейзаж за окном экипажа. И тут следует совершенно кинематографический монтажный переход из пространства «здесь и теперь» – в «там и тогда»: пасмурное вечернее небо, одинаково выглядящее в Петербурге и в Париже, становится связующим эти пространства звеном. Героиня, глядящая за

окно экипажа в Петербурге, вспоминает картину, увиденную из такого же окна во время прогулки в Булонском лесу. Поэтому в следующей строке слово «как будто» равно может быть отнесено и к действию («как будто... нарисован»), и к предмету («как будто... Булонский лес»). И дальше сразу следует та самая ольфакторная деталь, которая выступает объяснением аналогии с Булонским лесом – воспоминание о нем включилось как реакция на «бензина запах и сирени».

Ситуация воспоминания по-особому выделяет в стихотворении мотив повторяемости неких жизненных эпизодов и состояний, и в эту логику повторений точно вписывается финальный жест героя («снова тронул мои колени»). Тем самым формируется не только пространственная, но и событийная «рифма», благодаря чему лирический миг и лирический мир «Прогулки» двоится в пространстве и времени. И, как представляется, благодаря именно этой точно и тонко выстроенной архитектонике времени и памяти в этом стихотворении оно может рассматриваться как один из текстов, потом преломившихся в «Поэме без героя», в одной из строф «Решки»:

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

Здесь словно достраивается зеркальная «Прогулке» картина: не прошлое, а будущее, не она глядит в его глаза, а он, а сирень юношеских весенних свиданий становится «замогильной», как будет сказано в другом итоговом тексте.

Для разговора о механизмах воспоминаний и ахматовских техниках переходов из одного времени в другое немаловажным представляется и то, что «Решка» – это та часть поэмы, которая совершает «поворот по оси канунов» и осуществляет переход из эпохи 1913-го года в современность, а буквально за четыре строфы до процитированной помещено одно из самых существенных ахматовских стихотворных высказываний о памяти:

Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.

Возможно, что автомобильная прогулка 1913-го года по пространству воспоминаний была одним из первых ахматовских путешествий по маршруту «между «помнить» и «вспомнить»», соединив, если не Лугу с Венецией, то, во всяком случае, Париж с Петербургом.

Список литературы:

1. Ахматова Анна. Собр. соч.: В 6-ти т. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 1998.
2. Баранцев И. Трудности перевода // https://www.oldtimer.ru/blogs/ivan_barantsev/57/
3. Канунников С. Колеса Российской империи: наш автопром до революции // <https://www.zr.ru/content/articles/908958-kolesa-rossijskoj-imperii/>
4. Кирилец С. IV Salon International De L'Automobile Saint-Pe'tersbourg – вековой юбилей: IV Международная автомобильная выставка в Санкт-Петербурге 1913 г. // <http://www.gruzovikpress.ru/article/10842-iv-mejdunarodnaya-avtomobilnaya-vystavka-v-sankt-peterburge-1913-g-iv-salon-international-de-l-automobile-saint-pe-tersbourg-vekovoy-yubiley/>
5. Королева Н. В. Комментарии // Ахматова Анна. Собр. соч.: В 6-ти т. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 1998. – С. 673 – 951.
6. Куликова Е. Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. – Новосибирск: Издательство «Свиньин и сыновья», 2011.
7. Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. – СПб.: Наука, 2010.
8. Пруст М. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану. – М.: издательство «Крус», 1992.
9. Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature, 1974/75. № 7/8. – Pp. 23-46.
10. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – И.: Индрик, 2008.

ПРО МНЕМОНИЧНИЙ МАРШРУТ «ПРОГУЛЯНКИ» АННИ АХМАТОВОЇ

У статті проаналізовано фактографічні аспекти формування хронотопу поезії Анни Ахматової «Прогулянка». Реалії автомобільних прогулянок у Булонському лісі на початку ХХ ст. й автомобільної виставки в Петербурзі у дні написання даного вірша розглянуто як джерела ключової мнемонічної деталі твору («бензина запах и сирени»), якими завдано логіку накладання петербурзького хронотопу «Прогулянки» на канву загадок Ахматової про подорожі до Парижу у 1910-1911 рр.

Ключові слова: Анна Ахматова, М. Пруст, лірика, мнемонічна поетика, ольфакторна деталь, психологізм, автомобіль, Петербург 1913 р.

MNEMONICAL PATH OF ANNA AKHMATOVA'S "WALK"

In the article we analyze the factographical aspects of the choronotope formation in the Anna Akhmatova's poem "Walk". Circumstances of the car trips at the Bois de Boulogne at the beginning of the XX century and a car exhibition in Saint-Petersburg which took place on the days of poem writing are considered as the sources of the poem's key mnemonic detail («smell of gas and lilac»). These sources are to set the logic of overlay of poem's Petersburg chronotope on the Akhmatova's memories about trips to Paris in 1910-1911.

Key words: Anna Akhmatova, Marcel Proust, lyric, mnemonic poetics, olfactive detail, psychologism, car, Petersburg in 1913.